

*Научная статья**Научная специальность**5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»*

УДК 342.365

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.1.29>

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

© **Курышова И. В., 2025**

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Рассмотрена эволюция правового статуса российского императора в исторической ретроспективе с XVIII до начала XX в. В контексте правового статуса главы Российского государства в имперский период прежде всего изучены властные полномочия императора, которые, складываясь зачастую под влиянием традиций управления, регулировались нормами обычного права. Правовое закрепление властных полномочий главы государства не имело системного характера вплоть до издания Основных государственных законов Российской империи в 1906 г. Анализируются полномочия монарха, имевшего особые права в сфере законодательства, управления (военного, церковного, финансового), внешней политики. В работе затрагиваются такие полномочия императора, как права милости, аболитии, диспенсации. Отмечаются значительные изменения полномочий императора, которые произошли в результате принятия Основных государственных законов Российской империи 23 апреля 1906 г., в частности – в законодательной сфере и вопросах организации и деятельности центральных государственных учреждений. Сделан вывод о том, что монарх Российской империи обладал рядом исключительных прав и привилегий и даже после появления в России законодательных органов власти (создание Государственной думы и реформы Государственного совета в начале XX в.) он продолжал занимать доминирующее положение.

Ключевые слова: глава государства, император, монарх, Российская империя, правовой статус, полномочия императора, Государственная дума.

ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF THE HEAD OF STATE OF THE RUSSIAN EMPIRE

© **Kuryshova I. V., 2025**

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

The article examines the evolution of the legal status of the Russian emperor in historical retrospect from the 18th to the beginning of the 20th centuries. In the context of the legal status of the head of the Russian state in the imperial period, the authoritative powers of the emperor are primarily considered, which often developed under the influence of governance traditions and were regulated by the norms of customary law. The legal consolidation of the powers of the head of state did not have a systematic character until the publication of the Basic State Laws of the Russian Empire in 1906. The powers of the monarch, who had special rights in the sphere of legislation, administration (military, church, financial), foreign policy and judicial power, are analyzed. The individual privileges of the emperor as the head of state and the Imperial House are characterized. The work touches upon such powers of the emperor as the right of mercy, abolition, and dispensation. Significant changes in the powers of the emperor are noted that occurred as a result of the adoption of the Basic State Laws of the Russian Empire on April 23, 1906, in particular in the legislative sphere and issues of the organization and activities of central government institutions. It is concluded that the monarch of the Russian Empire had a number of exclusive rights and privileges, and even after the emergence of legislative authorities in Russia (the creation of the State Duma and the reform of the State Council at the beginning of the twentieth century), he continued to occupy a dominant position.

Keywords: Head of state, emperor, monarch, Russian Empire, legal status, powers of the emperor, State Duma.

Введение

Период существования в России императорской власти – около 200 лет – это расцвет российской государственности. В начале XX столетия Российская империя была вторым по площади государством мира после Британской империи (и

третьим – еще и после Монгольской империи – из когда-либо существовавших государственных образований). Время существования Российской империи от Петра I до Николая II сделало Россию великой, заложило основы ее могущества, но вместе с тем и определило ее падение в 1917 г.

Императорская власть в России являлась объединительной идеей, воплощающейся в конкретном властном институте, регулирующем, примиряющем и согласовывающем все частные интересы. Можно сколь угодно долго спорить об эффективности и легитимности (в отвлеченном смысле) единоличной власти, но для России девиз «За веру, Царя и Отечество» никогда не был пустым звуком. Интерес к истории становления императорской власти в России, особенностям ее правового статуса связан и с сугубо практическими потребностями. Политико-правовые процессы, происходящие в современной России, все чаще заставляют вспоминать о такой особенности ее исторического развития, как сверхцентрализация власти (имеющей синоним и в современной политологии – «ручное управление»). Отношение к «ручному управлению» в научном сообществе двойственное. С одной стороны, оно явная угроза демократии, с другой – необходимое (как многим представляется) условие стабильности общества и развития экономики. Поэтому исключительно актуальным является изучение этого феномена, одной из ипостасей которого и являлась императорская власть.

Императорская власть сложилась в России в первой четверти XVIII в., в правление Петра I (формально – в 1721 г.), и просуществовала до начала XX в. Императорский титул Петр I получил по инициативе Правительствующего Сената с одобрения Святейшего Синода, который разработал правовой документ «Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества». Принятие Петром I в 1721 г. императорского титула не привело к кардинальному изменению объема имеющихся у императора прав, но имело важное политическое значение, выразившееся в закреплении территориального статуса государства после победы России в Северной войне и росте авторитета государства на международной арене.

Рассматривая правовой статус императора, важно определиться с содержанием самого понятия. Под правовым статусом чаще всего понимается совокупность прав и обязанностей субъекта правоотношений, установленных государством, закрепленных нормами права. Однако применительно к имперскому периоду истории нашего государства монарх имел только права, обладал высшей властью, ни перед кем не отчитывался и юридически не имел обязанностей. По мнению Е. В. Старовойтовой,

«с историко-правовой точки зрения конструкция “правовой статус как права, обязанности и ответственность” к Императору не применима» [7, с. 13]. Поэтому понятие «правовой статус» по отношению к императору в настоящей статье применяется с известной долей условности. Это, скорее, не совокупность прав и обязанностей, а общая характеристика исторически сложившихся традиций, имеющих отношение к властным полномочиям императора, включающая права и преимущества монарха.

Материалы и методы исследования

Источниковая база исследования представлена памятниками права Российской империи XVIII – начала XX в., в частности такими как Акт поднесения Государю Царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества, указ о престолонаследии Петра I, акт о престолонаследии Павла I, регламент Духовной коллегии 1721 г., Уставы духовных консисторий 1841, 1883 и др., которые содержат фрагментарные представления о правовом статусе императора. Полномочия российского монарха как главы государства были установлены в Своде основных государственных законов в редакции 1832 г., которые были детализированы в 1906 г. в Основных государственных законах (далее – ОГЗ) в специально выделенной первой главе «О существе Верховной Самодержавной власти» [5, с. 66], поэтому именно положения ОГЗ легли в основу анализа данной статьи.

Методологической основой исследования является использование общенаучных (системного, аналитического) и частнонаучных методов познания (логического, историко-правового, сравнительно-правового).

Результаты исследования

Важнейшей привилегией российского императора в условиях неограниченного самодержавия была монополия на законодательную инициативу. После провозглашения империи в 1721 г. и до Екатерины II в России в разное время были органы власти, имевшие разное политическое влияние и занимавшиеся нормотворческой деятельностью (Правительствующий сенат, Верховный тайный совет, Кабинет министров, Конференция при Высочайшем дворе, Императорский совет). При этом нельзя сказать, что их деятельность ограничивала законодательные полномочия монарха. Однако отсутствие четкого разграничения функций административно-

го управления и нормотворчества порождало проблемы, связанные с возможным оспариванием законодательной монополии императора. Попытка нивелировать данную проблему была предпринята Екатериной II. Проведя сенатскую реформу, она фактически лишила Сенат права законодательной инициативы, оставив таковое только за собой. При Александре II с созданием Государственного совета в 1810 г. появился орган власти, обладавший законосовещательными полномочиями, находящийся под контролем монарха. Тем самым были созданы два уровня управления: верховное – осуществлялось монархом, и подчиненное – через государственные учреждения ведомственного типа. «Законодательство считалось материальным проявлением власти верховного управления – сферы государственной жизни, где император действует “непосредственно”» [7, с. 21]. Император мог по своей высочайшей воле наделять органы власти законосовещательными полномочиями, что подтверждает тезис о полной свободе императора в области законодательства. Любое слово государя – это и есть закон. Таким образом, не существовало (в парадигме теории разделения властей) разграничения законодательных и административных полномочий государя.

Одним из результатов Первой русской революции (1905–1907 гг.) стало становление в России парламента, т. е. представительного органа власти, не формируемого органами верховного управления. Это обстоятельство влечет за собой изменение понятия закона, теперь это – акт, принятый Государственной думой, одобренный Государственным советом и утвержденный императором. Формально император осуществлял законодательную власть «в единении» с Государственной думой и Государственным советом (ст. 7 ОГЗ), но фактически первенство в деле законодательной инициативы принадлежало императору «по всем предметам законодательства» – только он мог предлагать пересмотр Основных государственных законов Российской империи (ст. 8 ОГЗ)¹. Кроме того, утверждение императором закона было главным условием вступления его в силу, и здесь не существовало для императора никаких условий и ограничений (ст. 9). Принцип самодержавия – суверенной и полной власти монарха, – таким образом, не был нарушен. Статья 4 гласит: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Само-

державная Власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за Совесть, Сам Бог повелевает»². Есть мнение, что правило, согласно которому окончательная редакция законопроекта устанавливалась Государственной думой и Государственным советом, ограничивало «права императора в законодательном процессе», однако оно не отменяло обязательность утверждения закона императором [9, с. 275]. Кроме того, оно провоцировало императора вмешиваться в процесс формирования законопроекта, «способствовало интенсификации применения чрезвычайно-указного законодательства согласно ст. 87 Основных законов» [10, с. 207]. Данная статья позволяла монарху Российской империи в условиях чрезвычайных ситуаций, а также во время перерыва заседаний Государственной думы (перерывы между легислатурами, сессиями, в течение одной сессии) издавать временные (провизорные) указы, не противоречащие Основным законам, Положению о выборах и Учреждениям Государственной думы и Государственного совета. Такие указы становились законами, если они одобрялись Государственной думой и Государственным советом в течение двух месяцев после возобновления работы думы. Насколько часто применялась ст. 87 ОГЗ в России в начале XX в., свидетельствуют данные исследования В. С. Дьякина. В период с 8 июля 1906 г. по 19 февраля 1907 г. Советом министров по указам царя было проведено через Думу II созыва 53 постановления (отклонены 4). С 3 июня по 31 октября 1907 г. было издано 18 постановлений (отклонено Думой III созыва одно). В легислатуру III Думы было издано шесть временных законов, IV Думы – два. Широкое применение чрезвычайно-указного законодательства можно наблюдать в период Первой мировой войны, в частности с 19 июля 1914 г. по 8 февраля 1917 г. – 654 провизорских закона [2, с. 248, 260, 262, 263, 270].

Император был не только главным законодателем, но и главным управленцем. До начала XIX в. (т. е. до учреждения в 1802 г. Комитета министров как специализированного органа исполнительной власти) эта привилегия императора не была юридически оформлена, а проявлялась лишь в практике управления. Монарх, вплоть до начала XX в., обладал правом создания государственных органов, определения их устройства, формирования кадрового состава этих органов. В результате реформ 1905–1906 гг.,

¹ Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 26. 1906. Отд-ние 1. СПб., 1909. С. 457.

² Там же.

согласно ст. 10, 17 ОГЗ, право императора определять устройство, назначать и увольнять должностных лиц было частично ограничено. Однако ряд исследователей считает, что «основные законы 1906 г. предоставили императору значительно больший объем управленческой власти, чем тот, которым обладали монархи Германии, Австро-Венгрии и Японии» [1, с. 241].

Монарх Российской империи имел исключительные права во внешнеполитической деятельности государства, которые до 1906 г. регулировались обычаем и не имели правового закрепления. Статья 12 ОЗГ подтвердила верховенство императора во внешнеполитической сфере: «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского Государства с иностранными державами»¹. Следовательно, именно император мог определять основные направления международной политики, определять структуру, порядок формирования, функции органов государственной власти и лиц, осуществляющих дипломатическое представительство, объявлять войну, заключать мир и международные договоры, причем без одобрения со стороны Государственного совета и Государственной думы.

Широкие полномочия императора сохранялись в сфере военного управления. Принцип верховенства монарха в военных делах содержался в Положении о Военном министерстве 1869 г., он предусматривал для императора возможность непосредственно командовать вооруженными силами [7, с. 27]. Статья 14 ОГЗ подтверждала исключительные полномочия монарха в этой сфере: «Государь Император есть Державный Вождь российской армии и флота»². Император определял устройство армии и флота, регулировал правоотношения в сфере военного строительства, осуществлял верховное командование. В случае необходимости монарх мог взять на себя обязанности Верховного главнокомандующего. В ст. 15 ОГЗ было закреплено право монарха вводить военное или чрезвычайное положение в тех или иных районах Империи, и это не требовало одобрения Государственной думы и Государственного совета. Лишь в двух ключевых моментах права императора на военное руководство были несколько ограничены – при определении количества новобранцев и в вопросах финансирования Военного и Морского министерств.

¹ Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы 23 апреля 1906 г.

² Там же.

Характеризуя правовой статус российского императора, стоит обратить внимание на его исключительные права, связанные с управлением церковью. Эти права возникали в результате коронации и миропомазания монарха (венчание на царство), что свидетельствовало о священности царской особы, тесном союзе государства с церковью, позволяло считать вводимые правовые нормы продолжением церковных правил, необходимых к исполнению и соблюдению. Доминирующая роль монарха в области церковного управления сохраняется и после создания в 1721 г. высшего государственного органа церковного управления – Святейшего правительствующего синода. Это ясно видно из анализа Регламента Духовной коллегии 1721 г., уставов духовных консисторий 1841 и 1883 гг. и др. В указе Павла I о престолонаследии (1797 г.) российский монарх прямо назван главою Церкви. Это положение прямо вытекало из признания богоизбранности российских монархов. Статья 65 ОГЗ закрепляет исключительную компетенцию монарха в сфере церковного управления, в том числе и управление делами других вероисповеданий в условиях распространения идей веротерпимости в Российской империи в начале XX в.

Анализ финансовых полномочий главы государства требует важного уточнения, необходимого для оценки уровня ограничения прав императора в этой сфере, которое отмечается специалистами. Состоит оно в том, что в Российской империи изначально не разделялись понятия «государственное имущество» и «имущество государя», поэтому император мог по своему произволу устанавливать источники государственных доходов, контролировать их, распределять собственно доход. До середины XIX в., несмотря на то что ряд центральных учреждений (коллегии, министерства) фактически распоряжались государственными финансами, юридически это зависело целиком и полностью от монарха: он утверждал общую государственную роспись доходов и расходов, но и мог ее корректировать по своему усмотрению. В годы реформ 1860-х гг. император в целом исключительные финансовые права свои не потерял: он утверждал бюджет (который рассматривался Государственным советом). В ходе Первой русской революции полномочия по рассмотрению государственного бюджета получила Государственная дума. Однако Дума не могла корректировать целый ряд положений бюджета – так называемых забронированных расходов [11,

с. 237]. Это правило, впервые зафиксированное в Правилах о порядке рассмотрения Государственной Росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, Росписью не предусмотренных от 8 марта 1906 г., позднее оно вошло в ст. 6 и 9 ОГЗ. К «забронированным» расходам относились траты Министерства императорского двора, проценты по долговым государственным обязательствам, железнодорожные тарифы, цены на вино-водочную продукцию, так называемый десятиллионный фонд Министерства финансов. Кроме того, согласно ст. 9 ОГЗ при рассмотрении Государственной думой бюджета ей нельзя было изменять те суммы, по которым ранее были уже изданы законодательные акты. Все эти ограничения позволяли императору сохранять за собой важные рычаги влияния в финансовой сфере.

Император в Российской империи был высшим судьей. Попытка лишить монарха возможности участвовать в непосредственном принятии решений по судебным делам была предпринята в ходе Судебной реформы 1864 г., однако император все же оставался высшей инстанцией и мог самостоятельно разрешать некоторые дела. В компетенцию императора входили созыв особых судов, которые рассматривали дела о государственных преступлениях, рассмотрение поступавших на его имя прошений, участие косвенными способами в отправлении правосудия. Статья 22 ОГЗ Российской империи ограничивала судебные полномочия императора – судебная власть осуществлялась судами, но от имени императора. При этом император осуществлял верховный надзор над деятельностью судов [6, с. 96]. Императору принадлежали судебное верховенство и определенные права в судебной деятельности [8, с. 105]. Он имел права аболиции, амнистии, помилования, смягчения или отмены наказаний и приговоров.

До составления Свода законов Российской империи помилования были исключительно делом монархов, проявлением их властного произвола. В Своде законов нормы помилования были несколько систематизированы, но практика продолжала сильно зависеть от конкретных обстоятельств. Как правило, помилование объявлялось высочайшим указом или общим милостивым манифестом, выход этих актов приурочивался к торжественным событиям государственного масштаба. Располагая правом аболиции, монарх имел право приостанавливать и прекращать следственные действия, вмешиваться в гражданский процесс. Право ми-

лостей как никакое другое было тесно связано с «диспенсацией» – исключениями из действия законов при определенных обстоятельствах. Статья 23 ОГЗ представляла монарху право помилования осужденных, смягчения наказаний, право на коллективные аболиции и амнистии. Правом общих аболиций и амнистий Николай II активно пользовался до 1906 г. Но при осуществлении этих прав необходимо помнить о тонкостях практического их применения. Здесь, вероятно, мало что зависело от императора, если только речь не шла о резонансных преступлениях. С. В. Куликов отмечает: «Вопросы о помиловании решались не императором, а министром юстиции, который раз в неделю докладывал непосредственно монарху ничтожное меньшинство (два-три) соответствующих представлений» [4, с. 128].

Следовательно, отделения суда от законодательной и административной власти не произошло, император не был полностью отстранен от осуществления правосудия.

Император российский обладал рядом преимуществ (прерогатив). Прерогативы императора представляли комплекс исключительных прав российского государя, сложившихся из разрозненных нормативных правовых актов, которые в дореволюционном праве назывались преимуществами. Преимущества императора Российской империи принято подразделять на почетные и реальные.

Почетные преимущества визуализировали верховную власть, вещественно подчеркивая исключительный статус императора. К ним относились титул, атрибуты царской власти (государственный герб, государственная печать, корона, скипетр, держава, трон (престол), государственный меч, порфира и др.). Принятие в 1721 г. Петром Алексеевичем Романовым императорского титула имело важное политическое значение не только как элемент придворного церемониала, но и как проявление территориального статуса государства, имеющего политический авторитет на международной арене. Учреждение нового для России титула было обосновано прежде всего политически – Россия вступала на правах полноценного участника в «европейский концерт». Оно, очевидно, было продумано, не являлось спонтанным решением (как многие преобразования Петра Великого), поскольку подчеркивало верность Петра избранному курсу на модернизацию российского общества и государства (императорский титул, строго говоря, соответствовал царскому, но был

«европейским»). Это решение привело к известным изменениям церемониала, модернизирован был и государственный герб (над двуглавым орлом появилась императорская корона) [3, с. 23], и с этого началось внедрение нововведений, которые могут рассматриваться как особые привилегии государя. Так, в 1857 г. появляется понятие «герб государя» (помимо государственного герба). К почетным преимуществам императора относилась и государственная печать, а также его титулатура. Такие преимущества, как его личная неприкосновенность, почетный караул, подчеркивали юридическую «безответственность» монарха, его особый и исключительный статус. Прибавим к ним особую защиту от заразных болезней [7, с. 33], особую государственную охрану, особую защиту от преступлений, направленных против личности (до 1906 г. указания на особую защиту императора содержались только в уголовных законах, с 1906 г. его неприкосновенность стала одной из общих характеристик верховной власти), особое государственное содержание (при этом его сумма определялась самим монархом) и даже – особое Министерство императорского двора для заведования делами государя. Даже после издания ОГЗ Министерство императорского двора находилось в исключительном ведении императора. Придворные императоры пользовались правами государственных служащих. Собственное имущество императора (дворцовое) делилось на две категории: 1) имения Царскосельское, Петергофское и имущество, состоящее в заведовании Московской дворцовой конторы; данное имущество не могло быть завещано, разделено на части и отчуждено; 2) имения Ораниенбаумское, Павловское, Стрелинское и Гатчинское; они составляли личную собственность императора, особ Императорского дома и могли быть завещаемы и поделены на части (ст. 412 Свода законов гражданских)¹.

Обсуждения и заключения

Императорская власть в России вплоть до начала XX в. была верховной не только фактически – в практике управления, но и теоретически – на уровне оформления законодательства. Императору принадлежала верховная законодательная, исполнительная и судебная власть (если исходить из парадигмы разделения властей), их разделение между отдельными орга-

нами управления было исключительно функциональным, но не организационным и не, тем более, смысловым: все учреждения, осуществляющие управление; в его подчинении находились все государственные учреждения. Особый статус монарха опирался в большей мере на обычное право, фиксация полномочий монарха в нормативных правовых актах не была системной. В этом смысле Основные государственные законы Российской империи 1906 г. имеют особое значение – именно они обобщили и систематизировали те нормы, которые характеризовали особый правовой статус российского монарха.

Юридически император Российской империи не был ответственен в своих действиях ни перед кем и ни перед чем, кроме Бога. Механизмы, сколько-нибудь ограничивающие власть императора, появились лишь в начале XX столетия.

По общему мнению, формирование в России в начале XX в. под давлением обстоятельств (Первая русская революция) представительного законодательного учреждения (Государственная дума) означает некоторое ограничение прав императора. И это действительно так – само наличие подобного учреждения не дает нам оснований считать Россию абсолютной монархией после 1906 г. – теперь это была монархия дуалистическая. Однако степень ограничения монарха была в целом незначительной: оно коснулось лишь отдельных областей государственной жизни (в первую очередь – в области законодательства и финансов), т. е. было частичным, не имело комплексного характера. Кроме того, практика управления сводила почти к нулю и эти теоретические ограничения. Права монарха продолжали оставаться исключительно широкими, обеспечивая ему доминирующее положение практически в любой сфере. Таким образом, революционный лозунг «свержения самодержавия» даже после 1906 г. был актуален и отражал сложившиеся в Российской империи реалии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьякин В. С. Сфера компетенции указа и закона в Третьеиюньской монархии // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Т. 8. С. 236–262.
2. Дьякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Т. 7. С. 240–271.
3. Злобин А. Н., Черенков Р. А., Борисова А. А. Принятие Петром I императорского титула в контексте эволюции представлений о характере власти московских государей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20, № 3. С. 23–28.
4. Куликов С. В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 г.) в контексте мирового конституциона-

¹ Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи : в 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. Изд. неофиц. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1912. С. 1–168.

лизма начала XX в.: сравнительный анализ // Проблемы истории общества, государства и права : сб. науч. тр. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2020. Вып. 10. С. 75–192.

5. Сафронова Е. В., Шайрян Г. П. Верховная власть в Российской империи: структура и полномочия монарха (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2021. № 3. С. 62–72.

6. Соколовский В. В. Краткий учебник русского государственного права. Одесса : Экон. тип., 1890. 334 с.

7. Староверова Е. В. Правовой статус Императора Российской Империи, 1721–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 36 с.

8. Староверова Е. В. Свойства императорской власти согласно основным государственным законам Российской империи 1906 г. // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С. 99–107.

9. Таланин В. В., Таланина И. А. Основные государственные законы Российской империи 1906 года: законодательное закрепление статуса высших государственных органов имперской России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи) : материалы XVIII Междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2021. С. 273–280.

10. Шингарева Н. В. Полномочия российского императора по Основным Государственным законам Российской империи 23 апреля 1906 г. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 206–209.

11. Школярская Т. И. Бюджетные права Государственной Думы в Российской империи (1905–1917 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 235–240.

REFERENCES

1. D'yakin V.S. Sfera kompetentsii ukaza i zakona v Tret'eyunskoi monarkhii [The sphere of competence of the decree and the law in the Third of June monarchy]. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines], 1976, vol. 8, pp. 236–262. (in Russian)

2. D'yakin V.S. Chrezvychaino-ukaznoe zakonodatelstvo v Rossii [Emergency-decree legislation in Russia]. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines], 1976, vol. 7, pp. 240–271. (in Russian)

3. Zlobin A.N., Cherenkov R.A., Borisova A.A. Prinyatie Petrom I imperatorskogo titula v kontekste ehvolyutsii predstavlenii o kharaktere vlasti moskovskikh gosudarei [Adoption of the imperial title by Peter I in the context of the evolution of representations on the Moscow tsars power]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 20, no. 3, pp. 23–28. (in Russian)

4. Kulikov S.V. Narodnoe predstavitelstvo Rossiiskoi imperii (1906–1917 g.) v kontekste mirovogo konstitutsionalizma nachala XX v.: sravnitelnyi analiz [National representation of the Russian Empire (1906–1917) in the context of world constitutionalism of the beginning of the 20th century: comparative analysis]. *Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava* [The problems of the history of society, state and law]. Collection of scientific papers. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural State Law University, 2020, vol. 10, pp. 75–192. (in Russian)

5. Safronova E.V., Shairyan G.P. Verkhovnaya vlast v Rossiiskoi imperii: struktura i polnomochiya monarkha (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Supreme power in the Russian Empire:

structure and powers of the monarch (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* [Historical and legal problems: a new perspective], 2021, no. 3, pp. 62–72. DOI: 10.24412/2309-1592-2021-3-62-72 (in Russian)

6. Sokolovskii V.V. *Kratkii uchebnik russkogo gosudarstvennogo prava* [Brief textbook of Russian state law]. Odessa, Econ. Printing house, 1890, 334 p. (in Russian)

7. Staroverova E.V. *Pravovoi status Imperatora Rossiiskoi Imperii, 1721–1917 gg.* [Legal status of the Emperor of the Russian Empire, 1721–1917]: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 2009. 36 p. (in Russian)

8. Staroverova E.V. Svoistva imperatorskoi vlasti soglasno osnovnym gosudarstvennym zakonam Rossiiskoi imperii 1906 g. [Properties of imperial power according to the basic state laws of the Russian Empire of 1906]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2009, no. 2, pp. 99–107. (in Russian)

9. Talyanin V.V., Talyanina I.A. Osnovnye gosudarstvennye zakony Rossiiskoi imperii 1906 goda: zakonodatelnoe zakreplenie statusa vysshikh gosudarstvennykh organov imperskoi Rossii [The basic state laws of the Russian Empire of 1906: legislative consolidation of the status of the highest state bodies of Imperial Russia]. *Gosudarstvo i pravo: ehvolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 300-letiyu Rossiiskoi imperii)* [State and law: evolution, current state, development prospects (to the 300th anniversary of the Russian Empire)]. Proceedings of the 18th International Scientific conference. In 2 parts. Part 1. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2021, pp. 273–280. (in Russian)

10. Shingareva N.V. Polnomochiya rossiiskogo imperatora po Osnovnym Gosudarstvennym zakonam Rossiiskoi imperii 23 aprelya 1906 g. [The Russian emperor in the basic state laws of Russian Empire of 23 april 1906]. *Gumanitarnye, sotsialno-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, social-economic and social sciences], 2016, no. 12, pp. 206–209. (in Russian)

11. Shkolyarskaya T.I. Byudzhetye prava Gosudarstvennoi Dumy v Rossiiskoi imperii (1905–1917gg.) [Budgetary powers of the State Duma of the Russian Empire (1905–1917)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2014, no. 4 (31), pp. 235–240. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 05.01.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 29.01.2025

Received on 05.01.2025; approved on 15.01.2025; accepted for publication on 29.01.2025

Курышова Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права, конституционного и административного права, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83), ORCID: 0000-0003-1979-1247, РИНЦ Author ID: 362482, e-mail: kiw09@mail.ru

Kuryshova Irina Vasilievna – Candidate in History Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University (83, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-1979-1247, RSCI Author ID: 362482, e-mail: kiw09@mail.ru